

Литература

1. *Ананьев В.Г.* История зарубежной музеологии: учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2014. 136 с.
2. *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей: Авториз. перевод с англ. М.: Наука, 1991. 262 с.
3. *Ефименко П.С.* Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. С. 175.
4. Arctic info. Информационное агентство. URL: <http://www.arctic-info.ru/> (дата обращения 30.10.2018).
5. The Arctic. URL: <http://ru.arctic.ru/> (дата обращения 30.10.2018).
6. The Participatory Museum. URL: <http://www.participatorymuseum.org/> (дата обращения 30.10.2018).
7. *Леценко А.* Participatory Museum: новый уровень музейной интерактивности // Музей. 2011. № 3. С. 38–40.
8. Музей для всех: реальность или иллюзия. / Обзор Е. Медведевой // Музей. 2017. № 3. С. 56–59.
9. Следует оговорить, что в фокусе была именно евразийская часть Арктики, Российская Федерация и Северная Европа.

Виртуализация научной коммуникации. Социологический анализ цифровых следов на примере социальной сети ResearchGate

Г.А. Николаенко

Одним из наиболее популярных концептов социологии науки и смежных дисциплин является т.н. «незримая коллегия», в оригинале – invisible college [1, 2]. Изначально так назывался клуб британских учёных-натурфилософов, существовавший в середине XVII века и в дальнейшем институционализированный как Лондонское Королевское общество по развитию знаний о природе, однако на данный момент этот термин используется в несколько ином ключе. «Незримая коллегия» или «невидимый колледж» – достаточно распространённая, в некотором роде метафорическая концепция, используемая для описания основных механизмов научной коммуникации, в частности, передачи знаний и технической экспертизы. Стоит отметить, что данные коммуникационные процессы исторически отличались специфическими механизмами, свойственными исключительно «племени ученых», к числу которых можно отнести в первую очередь сетевой характер, а также значительно меньшее влияние географических факторов.

«Незримая коллегия» представляется хорошей академической метафорой ещё и потому, что реальные коммуникационные сети учёных часто могут не совпадать с официальными коллективами, определяемыми аффилиацией исследователей. Так, работающие в одном учреждении исследователи могут быть включены в абсолютно различные научные сети, что на первый взгляд (особенно, если это взгляд извне) может быть от-

нюдь не очевидно. Невидимость подобных сетей исторически обусловлена не только и не столько отсутствием их официального отражения в структурах научных организаций, сколько специфическими практиками коммуникации: преимущественно личной перепиской и встречами. Таким образом, мы можем говорить о том, что научная коммуникация представляет собой что-то подобное слоеному пирогу, ведь коммуникативные сети, находясь на разных уровнях, представляют собой многократно видоизменённые сборки, выстроенные по принципу адхократии (ad-hoc – по случаю, – ситуативный). Именно эти сборки и являются реальной структурой научной коммуникации, которую необходимо изучать. Но как?

С конца 1980-х годов подавляющая часть переписки происходит посредством электронной почты, благодаря чему научная коммуникация оставляет всё меньше и меньше физических следов, однако бурное развитие Web 2.0, произошедшее в середине 2000-х годов, вновь изменило положение дел. Вышеназванные трансформации достаточно точно описаны в книге Барри Веллмана и Ли Рейни «Networked» с помощью концепции Тройственной революции (Triple revolution). В этой книге речь идет о трёх крупных трансформациях коммуникации и всего социального взаимодействия, свойственных первому десятилетию XXI века. В частности, авторы выделяют такие факторы, как распространение Интернета, обеспечение постоянного доступа к Сети посредством мобильных технологий, а также трансформация самой структуры сети в логике Web 2.0 – т.е. возникновение социальных сетей. Разумеется, эти процессы не могли быть не замеченными самими учёными, ведь обмен информацией является одной из основных задач научного сообщества. Именно поэтому, следуя запросам профессионального сообщества, уже через пару лет после возникновения общих социальных сетей (например, Facebook), в Сети стали появляться специализированные сервисы для учёных. Одним из таких сервисов является социальная сеть для исследователей ResearchGate, которую на данный момент используют более 15 миллионов ученых из 193 стран мира. Данный сервис может быть использован социологами и специалистами из смежных дисциплин в качестве огромного, динамически обновляющегося источника информации о научном сообществе. Подобные исследования могут выстраиваться как с помощью классических методов интервью и опросов, так и с помощью нереактивной стратегии [3], фокусирующейся на цифровых следах научной коммуникации. Более того, несмотря на закрытый API сайта, метод web-scraping позволяет получать и большие данные (big data) [4], значительно расширяя охват и, как следствие, возможную репрезентативность исследования.

Таким образом, мы можем говорить о том, что впервые в истории невидимый колледж стал видимым и, как следствие, социальные иссле-

дователи могут изучить научную коммуникацию в недостижимой до этого момента полноте.

Литература

1. *Wagner C.S.* The New Invisible College: Science for Development. Brookings Institution Press, 2009. 157 p.
2. *Shirky C.* Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. Penguin Books, 2011. 256 p.
3. *Николаенко Г.А., Федорова А.А.* Нерактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. № 4. С. 36–54.
4. Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология?» // Russian Sociological Review. 2018. Vol. 17. № 1. P. 213–236.

Учебник как зеркало истории. Эволюционная теория на страницах школьных пособий

А.В. Самошки

История образования всегда тесно связана и с общей историей любого государства, и с историей науки. Однако эта связь часто является крайне сложной, и не всегда влияние внешних факторов будет заметно сразу или будет очевидным. Поэтому изучение процесса формирования учебных планов, программ, написания учебных пособий может не только дополнять историческую картину, но быть совершенно самостоятельным объектом исследования.

Во всем многообразии возможных источников для изучения учебник занимает позицию некоторой «лакмусовой бумаги», являясь одновременно как итогом деятельности авторов и методистов, так и стартовой точкой работы рядового учителя. Кроме того, в советский период учебник был, как правило, единым, то есть мог считаться достоверно отражающим общую картину преподавания конкретного предмета в школе. Сопоставив содержание учебников разного времени, можно сделать выводы о том, насколько влияла на них политическая и идеологическая обстановка, как отражалось современное им состояние «большой науки», увидеть цели и задачи преподавания конкретного предмета в определенное время.

Одним из наиболее подверженных внешнему влиянию школьных предметов является естествознание-биология (более зависимой, наверно, является только история). И он же – одним из важнейших для формирования научной картины мира и осознания молодым человеком собственной роли в этом мире. Завершающим этапом этого курса является блок «Общей биологии», включающий в себя эволюционное учение, основы генетики и в настоящее время дополненный экологией.